

УДК 316(091)

**ЗНАКОВО-СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА
В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ****SIGN-SYMBOLIC CULTURAL PARADIGM
IN TERMS OF CULTURAL KNOWLEDGE****А.В. Кузнецов, А.В. Кузнецова
A.V. Kuznetsov, A.V. Kuznetsova***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: kuznetsov_a@bsu.edu.ru; ludvig_14@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются различные парадигмы культурологического знания, возникновение знаково-символической парадигмы культуры, прогноз «методологического синтеза» культурологического знания, на основе признания многоуровневости культурологии и самой культуры, многоаспектности ее изучения.

Resume. This article discusses the different paradigms of cultural knowledge, the emergence of symbolic-symbolic cultural paradigm, forecast "methodological synthesis" cultural knowledge, on the basis of the recognition of multilevel role-culture and the cultural diversity of its study.

Ключевые слова: смысловые доминанты, знаки, символы, парадигма, аксиология, феноменология, структурализм, интерпретативный подход.

Key words: semantic dominants, signs, symbols, paradigm, axiology, phenomenology, structuralism, interpretive approach.

В эпоху романтизма намечается отход от рационального и предпочтение отдается духовному началу, недаром это время назвали романтическим. Здесь творят Шиллер и Гёте – классики немецкой литературы, Гёльдерлин, обожествивший природу, Новалис и другие. В это время переосмысливаются религиозные понятия, происходит переоценка ценностей, мир видится по-иному. Закладываются основы наук, получивших широкое развитие в XX веке, такие как герменевтика и многие другие, что позволяет нам говорить об эпохе романтизма как об эпохе, внесшей огромный вклад в культуру, науку и искусство.

Идеи, обоснованные и развитые И.Г. Гердером и И. Кантом, стали фундаментом той парадигмы, в рамках которой культура предстает как внеприродный, искусственный мир, включающий в себя многообразие видов, способов и результатов человеческой деятельности. В такой трактовке культура предстает как разумная свободная деятельность человека. При помощи культуры человек овладевает природой, приспособливает ее к удовлетворению своих потребностей. Поэтому совершенствование культуры означает одновременно и культивирование, развитие человеческой природы. На этой основе сложились и возникли в XIX веке первые культурологические направления. Представление о культуре как сложной целостности вещественных и идеальных артефактов предполагало возможность их классификации и систематического изучения. Это обусловило дифференциацию знаний о культуре. Наряду с философией культуры, происходит становление культурной антропологии, социологии культуры, этнологии. И хотя такая расширенная трактовка понятия «культура» во многом утратила свою актуальность в XX веке, ее некоторые черты и, прежде всего установка на возможность научного осмысления феномена культуры, оказались жизненными.

Парадигму культуры как «второй природы» человека можно обозначить как «дескриптивную» или антропологическую. Антропологическая парадигма стимулировала бурное развитие культурологического знания. Но сильные стороны этой парадигмы нередко оборачивались своей «теневой стороной». Культура, представленная как коллективный общественный продукт, фактически целиком совпала по смыслу с социальным способом существования человека (социальными нормами, институтами, способами организации отношений и действий человека). Поэтому в качестве критериев культурности на первый план неизбежно выдвинулись социальная полезность, разумность, функциональность.

Дополнением к дескриптивной парадигме, реакцией на ее неопределенность, стала еще одна фундаментальная парадигма культурологического знания. Для нее исходным стало то, что культура

– отдельная сфера социального мира, особый «срез» социального пространства. В рамках данной парадигмы культура первоначально отождествляется с «возвышенными», «идеальными» видами социальной практики, отдаленными от прагматических вопросов человеческого существования. Сдержанием ее выступают артефакты, созданные в религиозной, моральной, художественной сфере. Все иное социальное пространство – экономическое, политическое, сфера быта как бы выносятся за «скобки» собственно культурного. Исследование культуры – постижение ее «идеальной» стороны, несводимой к целесообразности, разумности или социальной полезности, образованности. Мир культуры – мир смыслов, который сплачивает людей в духовные общности. Все социальные отношения и многообразные искусственные предметы «заряжаются» смысловым содержанием, вне которого они утрачивают человеческую значимость. Людей объединяет не столько способность к целесообразной предметной деятельности, а, прежде всего, – смысловое единство, стремление утвердить некую смысловую доминанту культуры. Эти смысловые доминанты рождаются в лоне религии, морали, искусства и поэтому именно эти сферы являются наиболее «культуросодержательными». Таким образом, культурность проявляется в способности наделять человеческим смыслом все окружающее, в стремлении к пониманию окружающего мира, как природного, так и социального.

Эту парадигму культурологии можно обозначить как *знаково-символическую*, т. к. выступая носителями смысла, все явления превращаются в особые знаки – знаки-символы. Символ, в самом общем виде, – знак, который указывает на некое смысловое образование, комплекс моральных или религиозных представлений. Понятно, что знаком-символом может выступить любой предмет или сам человек, если он выступает носителем смыслового содержания. При этом содержание знака-символа не сводится к его вещественной, образной или какой-либо иной оболочке такого знака. Знаки-символы – своего рода посредники между миром «реального», «рационального», «утилитарного» и «идеального», «духовного». Главное в них – не внешний образ, а внутреннее смысловое содержание.

Согласно символической парадигме, культура есть система смыслов, воплощенных в символической форме, с помощью которых люди вступают друг с другом в отношения, хранят и передают духовный опыт, формируют общее видение мира. Культура выступает как многообразие артефактов, порожденных, прежде всего, духовной деятельностью и объединенных в целостные образования – символы. При этом даже если и ведется разговор об особой культурной сфере, она не уподобляется другим социальным сферам жизнедеятельности, а выступает неким «символическим посредником», своего рода «символическим срезом» социальной реальности.

Исследователь символов стремится уловить смыслы, понять значение той или иной культуры, используя не только свой интеллект, а обращаясь к интуиции, «вживанию» в тексты культуры. Анализ культуры приобретает характер интерпретации элементов культуры.

«Символическая» парадигма, как и антропологическая, начинает оформляться на рубеже XVIII-XIX веков, но приобретает отчетливые очертания в XX веке. Она существенно повлияла на развитие всех культурологических направлений и на сегодняшний день является одной из наиболее влиятельных в культурологии. Эта парадигма стимулировала развитие истории культуры, изучение разнообразных «ценностных картин мира», содействовала становлению культурной семиотики. «Символическая» парадигма выступает своего рода «связующим мостом» между антропологической и аксиологической парадигмой.

Аксиологическая или ценностная парадигма складывается во второй половине XX столетия. Ядром культуры признаются духовные ценности, а практическая их реализация в человеческой деятельности и отношениях и есть содержание культурного процесса. Понятие «ценность», апелляция к ценностям и их исследование, – составляют содержание аксиологической парадигмы. Мир ценностей рассматривается как некая «третья реальность», наряду с природной и социальной, которая активно влияет на них. Культурологическое знание в той или иной степени отражает структуру и динамику культурного процесса. Антропологический и символический подход к культуре ориентируют на изучение феноменов культуры в связи со способами обеспечения основных потребностей человека и формами их нормативной организации, в то время как аксиологический – нацеливает на исследование высших уровней культуры (культурного ядра) и возможностей проникновения духовных ценностей на более низкие уровни. Все три парадигмы и, стоящие за ними многообразные школы и науки, как бы дополняют друг друга в стремлении исследовать все грани и оболочки культурного процесса.

Для антропологической версии культуры характерен интерес к поиску общих закономерностей, универсалий и структур культурно-исторического развития, символическая парадигма тяготеет к подчеркиванию уникальности культурно-исторических типов. Аксиологический же подход нацелен на поиск «духовной оси», объединяющей все многообразие культур в некие идеальные целостности.

В основании познавательной парадигмы, которую условно можно обозначить «знаково-символической», лежит представление о культуре как специфической, «негенетической» памяти коллектива и личности. Культура – сфера сверхличных, всеобщих смыслов, которые люди хранят особым образом и наделяют ими все свои творения и действия. В ходе исторического развития человечество обогащает этот «мир смыслов». Мир смыслов хранится и передается, «кодируется» в знаковой оболочке. Приобретенная смысловая информация, выраженная в знаковых системах, в отличие от биологической информации, не исчезает со смертью отдельных людей и даже народов, а может наследоваться. Культура содержит программы человеческого поведения, воплощающие духовный опыт многих

поколений. С точки зрения знаково-символической парадигмы, культура – мир смыслов и мир знаков, с помощью которого используются имеющиеся и создаются новые артефакты.

Мир смыслов многообразен и может существовать в форме знаний, норм, идеалов. Сложен соответственно и мир знаков – знаки «естественные» (признаки), функциональные, конвенциональные (сигналы, образы) и т. д. Но существуют особые знаки – символы. Знаки-символы не отсылают нас к полезной информации, не раскрывают смысл каких-либо реальных процессов, а выражают высший смысл человеческого существования (нечто неутилитарное) и обеспечивают единство людей на идеально-духовной основе. Поэтому знаки-символы иногда называют «универсальными посредниками».

Поле исследований символического достаточно обширно, это и философские концепции, и социологические теории культурной семиотики, и специфические школы «символического» в культурантропологических исследованиях. Если проводить различие между этими пластами исследования символического, то, в самом общем виде, оно проявляется в том, что в философии культуры акцент делается на необходимости поиска смыслообразующих составляющих бытия человека. Поэтому знаками-символами чаще всего считают те, которые отсылают нас к миру нравственных и эстетических идеалов, мифу, религии, искусству. В то время как, в социологии культуры и культурантропологии, мир символического трактуется более широко, отождествляясь иногда с любимыми, достаточно сложными знаковыми системами.

Историческое оформление знаково-символической парадигмы связано со становлением аксиологической парадигмы культуры. Интерес к символической стороне культуры растет в XIX веке в связи с кризисом рационалистического понимания культурного прогресса.

Философские идеи И. Канта можно считать отправной точкой в становлении философии «символических форм». В «Критике способности суждения», он отмечает, что «прекрасное есть символ нравственно доброго», подчеркивая особую роль и специфику «символического отображения» [1: 227-228]. Основываясь на идеях Канта о качественном различии природы и свободы, специфике их взаимодействия, возникают концепции, нацеленные на выявление символической сути культуры. Это связано с творчеством Гете и философией романтизма (Шлегели, Новалис, Гёльдерлин, Шлейермахер, Шеллинг). В их работах религия, искусство, миф рассматриваются как символические феномены, обеспечивающие целостность культуры. Ведущую роль в постижении мира приобретает продуктивное воображение: живую динамику «бесконечного» нельзя фиксировать в мертвых понятиях, ее можно только «открывать и созерцать» в намеках и предчувствиях – в художественных образах, символах. История сознания – это история воображения, «поэтического разума», создающего символы. Шлегель определяет символическую форму как нечто, что выражает собой целое, бесконечное, постижимое только символически или аллегорически. Такими символами бесконечного являются минералы, растения, животные, математические фигуры и т.п.: все чувственные явления – это только «буквы», которыми пишет «дух». Рождается и новая методология исследования «текстов культуры», основанная на технике понимания и толкования (Шлейермахер), что позднее получила название герменевтики. Новый аспект символической трактовки культуры дал В. Гумбольдт, идейно близкий к философии романтизма. Особое значение имело его учение о языке как символическом посреднике между «индивидуальным» и «всеобщим», человеком и природой.

Особую роль в становлении философии символических форм сыграла Марбургская школа неокантианства. Глава школы Г. Коген, критически переосмысливая идеи Канта, осуществил детальный анализ форм культуры (науки, морали и искусства), как символических способов отношения человека к миру.

Вторая половина XIX века характеризуется интересом философии к смысловому содержанию человеческого существования. Этот мир смыслов, который свободно создается человеком, и есть культура в отличии от сферы природной и социальной необходимости (экономика, политика, право). Это подготавливает расцвет философии символических форм в XX веке.

Ключевой фигурой в культурологии XX века можно считать Эрнста Кассирера, полагавшего, что культура основана на символической активности человека, а человек – «животное, созидющее символы». Культура – многообразие культурных артефактов, творчески порождаемых сознанием человека, и объединяемых в целостные образования – символы. Миф, искусство, язык и логика как основные формулы «понимания» (осмысления) есть символы, которые придают артефактам форму и смысл, организуют опыт. Символ – чувственно оформленная связь всеобщего, универсального с конкретным, определенным. По сравнению с другими животными человек живет в новом измерении реальности, которое отделяет его от физического и обеспечивает возможности для творческого самовыражения. Философия Кассирера стала фундаментом современной культурологической мысли во всем диапазоне исследований символического – от «философии жизни» Освальда Шпенглера и психологической теории культуры до феноменологии и структурализма.

Освальд Шпенглер отмечает, что в основе мира культуры всегда присутствует прасимвол из которого можно вывести все культурные формы (этические, мифические, художественные и т. д.). Прасимвол нельзя постигнуть научными способами, но можно указать образы, в которых он проявляется. Так, например, прасимвол античной культуры – тело, русской – бесконечная равнина.

Оригинальная концепция символического была разработана швейцарским психологом, философом Карлом Юнгом. Развивая многоуровневую модель человеческой психики Фрейда, он, наряду с индивидуальным бессознательным, выделяет коллективное. Коллективное бессознательное содержит

символические формы, отзвуки, «осадки» психологического опыта поколений людей – архетипы (праобразы, первосмыслы). Юнг сравнивает архетипы с осями кристаллической структуры, по которым растет кристалл, вполне доступный наблюдению. Архетипы – внутренне присущие всему роду людей символы, носители мифического прошлого, источники его воспроизведения в настоящем.

Громадное влияние на исследование символической сущности культуры в XX столетии оказали связанные с этой парадигмой духовно и генетически такие философские направления как феноменология, экзистенциализм, герменевтика, ориентированные на постижение смыслообразования. Нет ни одного культурологического направления, которое прямо или косвенно не подвергалось влиянию учений Э. Гуссерля о «жизненном мире», М. Хайдеггера о языке как «голосе бытия», «философии понимания» Х. Гадамера.

Талантливые версии феноменологии символа разрабатывали и русские философы – А.Ф. Лосев, П.А. Флоренский. Символ становится центральным элементом двух миров, двух планов бытия, источником «смысловых энергий» (А.Ф. Лосев), особым бытием, «которое больше самого себя» (П.А. Флоренский).

Во второй половине XX столетия наряду с культурфилософскими концепциями символического появляются направления, стремящиеся синтезировать философские идеи различных школ в изучении культуры (фрейдизма, феноменологии), успехи лингвистики и социологии, результаты культурантропологических исследований. К таким направлениям можно отнести структурализм и его наследника – постструктурализм.

Один из родоначальников структурализма, французский антрополог и социолог Клод Леви-Строс первоначально был увлечен структурным функционализмом Радклифа-Брауна, но вскоре он выходит за рамки его концепции. Глубинные «психологические» формы (элементарные структуры мышления) Леви-Строс изучает, анализируя «первобытное» мышление и мифы. При этом он подвергает сомнению посылки антропологов, в частности Люсьена Леви-Брюля, о преимущественно эмоциональном характере архаического мышления. Леви-Строс обнаруживает логико-формальные структуры в мифическом сознании, которые фиксируются в языке и ритуалах. Становление культуры Леви-Строс связывает с формированием систем сверхличностных, всеобщих социокультурных смыслов, которые фиксируются в языке и системах коммуникаций. Символы при этом играют роль своеобразных «промежуточных» элементов мыслительных структур, обеспечивая связь конкретно-чувственных образов и отвлеченных понятий. Объединяют людей не «базовые потребности», а единые структуры бессознательного, которые в различных условиях могут давать этническое своеобразие. Для поиска и исследования этих структур Леви-Строс использует лингвистические и логико-математические модели.

Эта исследовательская программа прослеживается и в работах Ж.Лакана, посвященных структурированию коллективного бессознательного и влиянию на развитие человека символических структур языка.

Особое место в структурализме и постмодернизме занимает творчество М. Фуко. Фуко переносит структуралистские идеи в область исследования истории культуры. Структуралистский метод, примененный к истории культуры подводит его к выводу, что культурного прогресса не существует, как и нет «Высшего Смысла» истории. История культуры – это история смены специфических познавательных структур, которые он называет «эпистемами», действующих на бессознательном уровне и определяющих направленность развития знания, содержания культурных символов.

Важную роль в социологии культуры играют концепции символического, разрабатываемые социологами П. Бурдьё и Ю. Хабермасом, стремящихся преодолеть ограниченность структуралистских и феноменологических подходов. Феноменологический подход тяготеет к психологизму, субъективизму в оценке культурных феноменов. При структуралистском видении исчезает человек с его активностью, он превращается в «винтик» анонимных символических структур. И П. Бурдьё и Ю. Хабермас стремятся понять, как общество в результате индивидуальных и коллективных действий может меняться, освобождаясь от господства анонимных сил, порожденных самими же людьми. Особое внимание в их творчестве уделяется исследованию взаимодействий людей при помощи «символических ценностей», обнаружению скрытого насилия социальных систем и его преодоления.

Развитие философии и социологии символического в XX веке тесно связано с идейной эволюцией наук культурантропологического спектра.

Наиболее ярко знаково-символическая парадигма проявляется в культурантропологических исследованиях «символической антропологии» и «интерпретативном подходе». Теоретической основой этих направлений стали идеи К. Леви-Строса, Л. Уайта, А. Кребера, Т. Парсонса, К. Гирца, обосновавших понимание культуры как особого «среза» социальной реальности, проявляющегося в символических формах. Эта реальность, по их мнению, как отлична от социальных структур, так и не сводима целиком к ментальной реальности. Так, например, ученик Боаса Л. Уайт утверждал, что понятие «культура» обозначает специфический класс феноменов, присущих только человеку и называемых «символическими». Согласно взглядам другого известнейшего теоретика «символической антропологии» К. Гирца, существование культуры – это процесс интерпретации символов, а быть носителем культуры означает обладать способностью ее интерпретировать. Культурный анализ превращается в интерпретативное объяснение значений, проявляющихся в символических формах.

Таким образом, «описательный» подход с характерной для него опорой на научный анализ, классификацию, поиск универсальных законов эволюции – ставится под сомнение. Задача культурантрополога, исследующего конкретную культуру, заключается в его способности «погрузиться» в чужую культуру, чтобы уловить ее смыслы и значения. При этом «символическая антропология» с ее «интерпретационным методом» стремится дистанцироваться от философских концепций структурализма и психоанализа, стремясь сохранить традицию «научности», «эмпирической проверяемости». Эта двойственность «символической антропологии» обуславливает ее противоречивость и делает уязвимой для критики. Культурология в этом случае все более превращается во множество дисциплин, каждая из которых подчеркивает свою уникальность, что не позволяет обеспечить доказательность их выводов, обосновать систематизацию и накопление знаний.

Противоречивость культурантропологического компонента знаково-символической парадигмы не является чем-то уникальным или же результатом временного кризиса методологии исследования. Противоречива в целом вся знаково-символическая парадигма, возникшая на «стыке» антропологической и аксиологической, вне связи с которыми она утрачивает познавательную определенность. И «философия символических форм», социология символического, и конкретные культурантропологические исследования вне соотнесенности с особым, ценностным подходом впадают в «предметный релятивизм». Философия символического превращается в процесс деконструкции, смещения смысловых значений и постоянных метаморфоз символического содержания, утрачивает нравственные ориентиры. В социологии культуры это ведет к неоправданному расширению понятия символического, сведение его контекста к устойчивым структурам массовых коммуникаций, в которых исчезает человеческая личность. Культурология, лишенная ценностного обоснования, не становится «научной», а превращается в подобие беллетристики или груду добросовестных, скрупулезных этнографических описаний.

«Аксиологическая» или «ценностная» парадигма культурологии наиболее отчетливо прослеживается в XX столетии, когда вполне очевидной на фоне трагических «заблуждений» человеческого разума стала видна ограниченность рационалистических моделей культуры. Рост научно-технического прогресса, образованности, успехи в удовлетворении растущих человеческих потребностей и совершенствование сетей коммуникаций – не вели автоматически к расширению поля духовности и не предотвращали кровавых конфликтов. Это актуализировало познавательную потребность поиска «вечных» оснований человеческого бытия и интерес к исследованию способов и форм проявления ценностного начала.

В то же время идейные предпосылки восприятия культуры как некоей духовной основы человеческого существования складываются даже несколько раньше, чем представления об антропологических или символических сторонах культуры. По-видимому, «аксиологический» образ культуры рождается из понятия «культы». Изначальное аксиологическое содержание термина культура связано с верой, постижением и восхождением к миру сакрального, вечного, где открывается высший смысл бытия. Поэтому культура это всегда некая тайна, которая открывается нам символически. Подобное понимание культуры имеет древнейшие традиции и связано с религией, поклонением Богу.

Важнейшую роль в становлении аксиологической парадигмы культурологии сыграли философские установки, оформившиеся в рамках Баденской школы неокантианства. Ее видные представители В. Виндельбанд и Г. Риккерт попытались провести различие между «науками о природе» и «науками о культуре». Основу такого различения они усматривали в «ценностях», превращающих часть действительности в объекты культуры.

Как уже отмечалось, в Марбургской школе неокантианства это противостояние не виделось столь радикально, как в Баденской, что в дальнейшем позволило Эрнсту Кассиреру (преемнику ее традиций) рассмотреть символические формы, в качестве специфических способов воплощения культурных ценностей.

Ряд культурологов полагает, что аксиологическая парадигма будет доминировать в культурологических поисках XXI столетия, вытесняя все иные, менее универсальные. Если это и преувеличение, то несомненно, что аксиологический подход составляет сегодня стержень культурологии и все более проникает во все сферы познания, ранее «инертные» к каким-либо ценностным суждениям. Однако более перспективным видится прогноз «методологического синтеза» культурологического знания, на основе признания многоуровневости культурологии и самой культуры, многоаспектности ее изучения.

Список литературы References

1. Кант И. Критика способности суждения. – М., 1994.
Kant I. Critique of judgment. – М., 1994.
2. Кузнецова А.В. Миф и музыка в позднем немецком Романтизме (на примере тетралогии Р. Вагнера «Кольцо Нибелунга»). – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2013. – 171 с.
Kuznetsov A.V. the Myth and music of the late German Romanticism (by the example of tetralogy of Richard Wagner "Ring des Nibelungen"). – Belgorod: IPC "POLITERRA", 2013. – 171 p.